

18+

Борис Алексеев

ГОЛУБАЯ ПЕРЕПИСЬ ЛЕТ

2020 г.

Борис Алексеев

Голубая перепись лет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50175058

ISBN 9785449810991

Аннотация

Оглядывая собственное многолетие с высоты приобретённой с годами мудрости, мы видим лазоревую даль бескрайнего Житейского моря, переливы глубины, искрящиеся в лучах полуденного солнца. Вот каким оказался фарватер нашей непростой судьбы – сверкающей дорожкой времени среди голубых проталин прожитой жизни...

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Как теннисный мячик в руках обстоятельств	13
Пролог	14
Часть 1. Странная периодичность	16
Часть 2. Диалог	22
Часть 3. Сбой	26
Часть 4. Хороший вопрос	32
Часть 5. Мама Галя	38
Часть 6. Армейская школа жизни	41
Часть 8. Видение	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Голубая перепись лет

Борис Алексеев

© Борис Алексеев, 2020

ISBN 978-5-4498-1099-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Марина Алексеева «Бокал с цветами»

Милый читатель, ты раскрыл голубую книгу необычной человеческой жизни. Почему автор употребил эпитет «голубая», с какой стати обращается на «ты», хотя ваше литературное знакомство ещё так мимолётно, и чем именно объявленная житейская «необычность» необычнее всякой другой жизни, единственной в своём роде? Постараюсь ответить.

Человек, биография которого рассыпана по страницам этой книги, родился в далёкие послевоенные (пятидесятые) годы прошлого века. Его жизнь длилась долго и непросто. Кто-то скажет: «Простых судеб не бывает!» И будет прав.

Когда судьба нам кажется излишне простой и прямолинейной, мы лукавим и в бессилии собственного духа видим лишь недополученную от Бога справедливость. А ведь большинство внутренних немощей – это прежде всего слабый выбор нашей свободной воли. И Бог тут, конечно, ни при чём.

– Вы хотите сказать, что житейские испытания Бог назначает человеку по его силам? – спросит читатель. – А как же случаи суицидов? Разве Всевышний может ошибаться?

Вновь звучит тема недополученной справедливости – на этот раз Бог неправильно задал параметр! Но так ли это? На вопрос читателя есть и другой ответ: человек сам не принял божественного назначения и добровольно отказался от него. Так решила его свободная воля.

В биографии Венедикта, главного героя нашей книги, бы-

ли моменты, когда огненным напряжением сил он отстаивал своё право на продолжение жизни вопреки всем пагубным обстоятельствам. И вечный вопрос «Быть или не быть?» его свободная воля решала коротко и ясно – «Быть!»

Даже в самых безвыходных ситуациях Венедикт, как лягушка, оказавшаяся в крынке с молоком, выбирал лучезарный глагол «быть» и упрямо шёл вперёд. Смело, а порой и безрассудно он наступал на болотистые кочки собственного будущего. Вперёд его вела гипертрофированная интуиция смельчака – основа всякого высокого действия.

Конечно, интуиция – не гарантия победы. Наполеон, человек, наделённый огромной пространственной интуицией, был сокрушён накопительным методом аналитика Кутузова. А вот смельчак Суворов – ярчайший пример победоносной интуиции на все времена!

Кто-то скажет: «Интуиция – не что иное, как тончайший „нано-расчёт“ на уровне подсознания». Возможно. Но это возражение ничто не меняет в нашем определении интуиции как «знании о будущем, не вытекающем из очевидных представлений о настоящем».

Мы высекаем собственную биографию из окружающего нас житейского материала. И если при этом не раздаётся пушечная канонада или не слышен ратный крик «Ура!», вовсе не означает, что нам назначена мирная биография. За право распоряжаться любящим человеческим сердцем идёт непре-

рывное сражение двух антагонистов – добра и зла. И наша свободная воля – главный засадный полк в этом сражении. На чьей стороне он вступит в сражение и решит в конце концов – кто из двух поединщиков одержит победу.

Во всякой биографии есть место подвигу. Ощутить героика будней совсем не сложно. В советское время о подвиге нам твердили с детского сада. Окрылённые надеждой на личную встречу с героическим началом, мы выжигали фонариком глаза, читая после отбоя под одеялом приключенческие романы. Одни из нас, как пел Владимир Высоцкий, из напильников делали ножи, другие – из кусков картона и тонких, как спицы, реек – планеры и будущие межпланетные звездолёты.

Конечно, если вечером после работы подкачать себя пивком, прийти домой и, завернувшись в газету, прилечь на диван перед телевизором, отложив сражение с обстоятельствами до следующего дня, житейский асфальт, скорее всего, сохранит своё идеальное покрытие, и ни одна травинка не вскрыет его оплавленную поверхность. А Бог, который всегда рядом, «горестно вздохнёт», глядя на наше душевное безделье, и, как солнце в ненастную погоду, скроется из вида – только Его и видели...

Пока в нас бурлит некая таинственная неудовлетворённость, мы должны настойчиво искать своё место за флажками размеренного быта. Очень странного быта! Как зонтик безопасности, его раскрыла над нами однообразная и очень

разумная взрослая жизнь.

И вообще, разве это жизнь? Разве для этого мы ждём собственное рождение долгие девять месяцев?

Нет же!

И пока не закончились наши первородные силы, надо что-то изменить, дать решительный бой сытым привилегиям умеренного быта. Бой необходим. Только в бою мы можем совершить подвиг и в миг соприкосновения жизни со смертью надышаться свободой на всю оставшуюся жизнь, даже если жить осталось всего мгновенье.

Однако хватит жонглировать словами. Пора заняться собственно книгой и её главным героем Венедиктом Сифовичем Аристовым.

С биографической точки зрения жизнь Венедикта сложилась весьма удачно и прошла по особой милости Творца под голубым мирным небом. Случай, прямо скажем, для русской биографии нетипичный. Он не замёрз в пути, не утонул в пруду, ни разу не сел в падающий самолёт или теряющую управление машину. Господь предупредительно отводил Венедикта от житейских ям и искушений плоти. Правда, однажды Всевышний попустил-таки искушение – загремел Веня в тюрьму на долгие четыре года. Что ж, видимо, не было иной возможности вразумить его слишком широкую натуру. Но во всём остальном наш герой неизменно оставался баловнем судьбы и беспечным счастливымчиком.

Однако его житейское везение далеко не всем было объяснено благорасположению неба. С юношеских лет свободная воля понуждала Венедикта к непрерывному поиску истины и смысла жизни. Ради этого он шёл на жертвы, лишения и безусловные «революционные» изменения линии жизни. Легко догадаться, при свержении устоявшегося миропонимания на противоположное, Венедикт оказывался одновременно победителем и жертвой своего очередного беспокойного замысла. Но что самое замечательное, всякий раз, одолев инерцию разворота, он обретал силу и оказывался победителем в новом пространстве, созданном по его собственным умозрительным «чертежам и координатам». А победителей, как известно, не судят.

Следует сказать, что действие, в котором мы непосредственно участвуем, всегда поначалу кажется нам архизначительным. Однако со временем оно теряет свою сакральную значимость и рассыпается на мелкую рябь событий, подобно морскому бризу, бегущему по поверхности глубин. И если мы, увлечённые игрой волн, перестанем вглядываемся в чернеющие житейские глубины, все наши духовные упражнения и поиски смыслов станут похожи на вереницу эффектных фраз и придурковатые записи мудреца-графомана.

Когда читаешь «Один день Ивана Денисовича» или лагерные рассказы Шаламова, кровь стынет в жилах от глу-

хого рыка. Это рык тех самых глубин, незаметных за внешним благополучием мирной жизни. Лагерная тема открывает для нас совершенно неизвестный «фарватер» человеческих судеб. Марианские впадины нечеловеческого безразличия и зла, которые выписывают перед нами эти элитные «океанические картографы», разят ум и сердце. Мы не готовы ни осмыслить, ни принять их как свершившийся факт нашей истории. Ведь если такое было в прошлом, значит, подобное может с той же степенью вероятности, вернее, невероятности случиться и в будущем!

В капле воды отражается сущность океана. В причудливых рельефах глубинного фарватера слышится «эхо» человеческих потрясений. Чувствительным и точным литературным эхолотом был Антон Чехов. Старик Хэм обожал выстукивать на своей любимой печатной машинке «Согона 3» скупые пиктограммы человеческих поступков, напрягая внимание читателя намеренной недосказанностью, за которую он (то-то мудрец!) прятал главные причинно-следственные связи.

Поэтому приступая к пересказу очередной (нет-нет, вовсе не очередной – особенной!) человеческой жизни, автор очень надеется, что намеченное житейское путешествие доставит не только интеллектуальное удовольствие, на которое в равной мере рассчитывают и писатель, и его читатель, но преподнесёт двум литературным собеседникам плод их совместных раздумий о главном назначении человеческой

жизни – воспитании божественной любви друг к другу.

Глава 1. Как теннисный мячик в руках обстоятельств

Пролог

Он умирал медленно и спокойно. Онемение, прорастающее в распадок огромного страдающего тела, не пугало, но было по-своему приятно. Оно зазывало органы жизнедеятельности окунуться в нежную прохладу первых касаний смерти и насладиться ими. Умирание собственного тела человек наблюдал как бы со стороны. Его здравствующее сознание ещё не пошатнуло нарастающее кислородное голодание, и мозг не принял последнего в своей жизни решения – провалиться в безликую яму небытия.

Человек лежал на спине, чуть искривив в улыбке рот, и припоминал долгую прожитую жизнь.

Подобно большим неторопливым птицам, воспоминания поднимались над умирающим телом и разлетались во все стороны сквозь облупившуюся дранку потолка. Где-то там наверху они ластились к голубым склонам огромной светящейся полусферы, окружавшей комнату, в которой с каждой минутой всё более ощущалось присутствие смерти.

Говорят, привычка – вторая натура, милостью неба данная нам взамен ожидаемого счастья. Привычка мыслить, постоянно тревожить рассудок той или иной идеей – великое благо. Увлечённые потоком мыслей, мы не замечаем, как день ото дня всё более немеет и портится наше тело.

Так и теперь, вместо того, чтобы оплакивать приближе-

ние телесной смерти, думы человека орлили в стратосферах, осматривая вершины, достигнутые и не достигнутые в этой жизни.

«Поорлив», они теряли высоту и над самой землёй разлетались по прожитым десятилетиям, о которых никто из ныне живущих людей ничего не знает или уже не помнит.

Но помнит он. Там остались следочки, его следочки. Они реально существуют, пока он жив. Неужели смерть вычеркнет и их? Разве можно прошлое изменить? Выходит, можно...

Через полчаса смерть одолела пограничный рубеж и теперь с благородством римского колониста устанавливала свои холодные порядки. Да, дружище, твоя славная Троя пала – это факт. Сейчас остановится сердце, и под искрящимися биографическими обломками исчезнет последняя ниточка, за которую ещё можно потянуть и, обманув на время смерть, передать потомкам драгоценный трепет твоей уходящей жизни.

Но главное – передать память о Трое, которая могла бы уберечь новое человеческое племя от ошибок юности. Ведь оно наверняка совершит их, рассчитывая жить вечно и оттого пренебрегая долгой и при этом очень короткой жизнью.

Часть 1. Странная периодичность

Великому Родену повезло с учителем. Француз Эдуард Лантери оказался достойной педагогической оправой, из которой выпорхнул в индивидуальное творчество гениальный Огюст. Господину Лантери принадлежат слова: «Счастлив тот, кто открыл себя рано, у него есть шанс стать великим художником».

Увы, эти замечательные слова неприменимы к биографии главного героя нашей голубой летописи Венедикта Сифовича Аристова.

Лет двадцать пять назад Венедикт отметил своё пятидесятилетие. И теперь на пороге без четверти векового юбилея мысли о прожитой жизни и недорастраченной сердечной любви частенько тревожили его благородный ум и отзывчивую душу.

Родился Венечка (так звали Венедикта родители) человеком крайне эмоциональным и в то же время стеснительным. Если гнев, досада и прочие лихоимства выплёскивались наружу напрямиком из нервической сущности подростка, то доброта и душевная отзывчивость с великим трудом продирались через его гипертрофированную стеснительность. Оттого свои лучшие качества Веня проявлял с опозданием и, как могло показаться со стороны, с неохотой.

Уклад Аристовых был прост. Распорядок дня начинал-

ся и заканчивался обыкновенно. Достатка, позволяющего разнообразить, как теперь говорят, семейную «потребительскую корзину», Аристовы не имели. С одной стороны, их скромный бюджет был следствием житейского, так сказать, нестяжательства. С другой стороны, на последних поколениях родового древа Аристовых природа откровенно отдыхала.

Не имея ни талантов, ни карьерного трудолюбия, Аристов-старший не ждал, да и не жаждал от родственников какой бы то ни было семейной поддержки.

И всё же генетическая лаборатория Бога – «организация» справедливая. Время от времени она балует нас удивительными чудесами. Так накопившаяся невыразительность многих пра-пра-родителей встрепенулась в Венечке ярчайшим личностным потенциалом. Казалось, всё недополученное от природы прежними Аристовыми, Главный инженер лаборатории «запихнул» в четыре килограмма рождественского пирога с восхитительным вензелем «Венедиктос»!

Как же эти четыре килограмма (то вместе, то порознь) кричали, оглашая старенький роддом вестью о явлении в мир новой человеческой твари! «Экая птица говорливая ваш Венечка! – смеялась дежурная сестра, передавая малыша на руки отцу. – Птицы свободу любят. Вы уж птаху не невольте».

Время подтвердило слова доброй женщины. С ранних лет Венечка рос ребёнком особенным. Чурался доблестных детских игр послевоенного времени и в то же время воспри-

нимал пространство, отведённое ему для жизни, как некую сказку, где повсюду за нагромождением привычного таится что-то необыкновенное.

Его воспалённая фантазия наделяла видимый мир особым таинственным содержанием. Оттого мальчик всё время испытывал внутреннее возбуждение и как бы заранее трепетал перед очередной встречей с неизвестным. Когда ему приходилось выбирать, он предпочитал самое необычное из возможных житейских продолжений, чутьём волчка «разглядывая» в парадоксальном непремennую будущую правду. Например, если случалось на прогулке выпросить у мамы мороженое, Венечка не спешил разворачивать блестящую фольгу, но несколько раз перекладывал эскимо из одной ладони в другую, представляя движение холода в теле как первоначальное прикосновение к лакомству.

С ранних лет начальником жизни маленького Венедикта стало искусство. Ребёнок рисовал любым красящим материалом на первой подвернувшейся поверхности. В перечне творений юного гения, помимо собственно рисунков на бумаге, значились расписанные в технике цветных карандашей паспорт отца и пенсионная книжка милой бабушки Зины. И если баба Зина, созерцая гениальные каракули любимого внука, нежно улыбалась, разгоняя по лицу веер причудливых морщинок, то испорченный тот или иной документ отца отражался на «заднем полушарии» Венедикта серией увесистых оплеух.

– Сифочка! – говорила сыну заплаканная баба Зина, глядя, как неотвратимо совершается воля отцовского правосудия. – Не неволь Венечку, он же птица...

При этих словах рука отца повисала в воздухе и через мгновение безвольно падала вниз, как брошенный с кручи камень.

– Да ну вас! – в сердцах говорил он и уходил, хлопнув дверью. А бабушка счастливо обнимала внука и по-птичьи что-то ворковала ему на ушко, зализывая нанесённые отцом раны.

В четвёртом классе Венечка заболел музыкой. Трепет воздушных струй, мерные поскрипывания качающихся на ветру деревьев напоминали ему тактовые деления музыкальной фразы. Музыка окружающего мира звучала в голове ребёнка, как в оркестровой яме. Юный Веня с восторгом вслушивался в самого себя. Его пальцы перебирали в воздухе нотки, как клавиши огромного уличного рояля, стараясь поспеть за некоей музыкальной темой, звучащей помимо его воли.

Отец Венедикта, почтенный Сиф Пересветович, хорошо играл на аккордеоне. До чего же был красив отцовский инструмент. Перламутровые резные панели, расположенные вдоль правой клавиатуры, украшали покатую грудь этого волшебного инструмента. Меха напоминали мягкую шкурку пумы из сказки о Маугли. Они расплзались в стороны, не обронив ни струйки kloкочущего в них музыкального варева. Басы левой клавиатуры, полные симфонизма, ласти-

лись к мелодии и украшали её нарядные звуки дивной органной полифонией.

Веня, очарованный густым «произношением» перламутрового существа, вскоре стал учиться, естественно, на аккордеониста.

Два года продолжалось феерическое восхождение нового музыкального гения на Олимп нотного стана. «Экселент!» – восхищался его успехами преподаватель Дома культуры железнодорожников добрейший Эдуард Львович. Он с нежностью наблюдал, как его ученик приходил на занятия со своим трёхчетвертным юношеским аккордеончиком. «В успешной семье растёт успешный ребёнок», – радовался Львович, не зная, что семью Аристовых вряд ли можно назвать успешной, и инструмент для Вени куплен матерью в долговую рассрочку по причине развода с отцом и скудного материального положения.

Но вот стрелка на житейских часах обежала два огромных годовых круга. Эдуард Львович, ничего не подозревая, готовил Венедикта в музыкальную школу и уже заранее ликовал, представляя эффект от игры своего ученика на вступительном прослушивании. Однако в конце второго года музыкальных занятий на Венедикта обрушилась, да-да, именно обрушилась безжалостная магия цифр и математических сопоставлений. Как малыш, который роняет старую игрушку, когда видит новую, Веня потянулся к точным знаниям, совершенно потеряв интерес к профессии музыканта. Эдуард

Львович, почувствовав неладное, много и часто звонил своему любимцу, говорил в телефонную трубку о необходимости продолжить занятия музыкой, твердил о каком-то высшем предназначении...

Веня всякий раз при разговоре с Эдуардом Львовичем поднимался и стоял по стойке «смирно», прижимая правой рукой к уху телефонную трубку. Казалось, он находится весь во внимании и молчит, боясь перебить вдохновенный речевой поток своего учителя. Ничуть! Ум Венечки прогуливался в это время совсем в другой стороне. В обнимку с холёными натуральными и взъерошенными иррациональными числами он блуждал по запутанным лабиринтам математических обстоятельств и весело отмахивался от надоедливых децибел добрейшего Эдуарда Львовича.

Тёмная, как Кносский лабиринт, оглашаемая леденящими душу рыками поверженных софизмов, математика увлекала нового Тесея всё глубже в свои таинственные дебри. Логический максимализм на долгие годы овладел романтической сущностью Венедикта. Прежние изобразительные и музыкальные очарования уступили место очарованиям высокоточных алгебраических соединений.

Здесь мы закончим «опись» детских и ранних юношеских лет Венечки Аристова. Немного отдохнём, выпьем с читателем по чашечке кофе и годков этак через пятнадцать подсядем «под локоток» к долговязому небрежно одетому человеку неполных тридцати лет. Чем-то наш герой сейчас занят?..

Часть 2. Диалог

Позабыв о кипящем на плите чайнике, Венедикт сидел на старом семейном диване и, подперев подбородок грифом гитары, размышлял об очередном уходящем в Лету десятилетия.

«Мать честная! – сокрушался наш герой. – Сколько же я наломал дров...»

Привычным движением он переложил деку под правую руку и извлёк раскатистый аккорд.

«Ах, Веня, Веня, куда тебя, дурака, всё время несло? Почему, не дорисовав картинку, не доиграв мелодию, не дописав формулу, ты срывался с места и бежал прочь? Искал высший смысл и всё такое? Нет, дружок, высший смысл был и в искусстве, и в музыке, и в математике! Ты чувствовал это. Поэтому твоё сердце трижды влюблялось в будущее, но твой вертлявый ум трижды уводил тебя в сторону. Представь, три раза ты предал самого себя!..»

Напротив дивана возвышалось большое напольное зеркало. Оно в точности отражало движения Венедикта и даже ход его мыслей. По перемещению бровей, то взлетающих вверх, как крылья потревоженной птицы, то устремляющихся вниз и «вгрызающихся» в переносицу, подобно двум прожорливым гусеницам, можно было наблюдать за внутренней мыслительной борьбой, происходившей в растерянном и пере-

ставшем понимать самого себя человеке.

И всё же, несмотря на визуальное, в целом горестное сходство, отражение в зеркале являло вид человека собранного и целеустремлённого – настоящее Alter ego. Это удивило Венедикта.

– Ну что, приятель, хана чистописанию? – съязвил он, глядя в глаза «собеседнику».

– Отчего же хана? – ответил тот. – Хана – это, батенька, только начало. Прими житейский раздрай как период размытых смыслов. Так сказать, насильственный отдых ума перед будущим марш-броском. Конечно, идти от противного всегда неприятно, но тут уж ничего не поделаешь. Для избавления от дурака все средства хороши, и лучшее из них – полное заблуждение!

Альтер эго в свою очередь ехидно улыбнулось, но, припомнив систему Станиславского, изобразило плаксивое выражение лица в точности, как у «первообраза».

– Скажи, что мне делать? Может, сойти с ума и посвятить остаток лет натуральной биологии? – Венедикт заиграл перебором, выжидательно глядя в зеркало.

– Остаток лет, говоришь? Э, нет, батенька! Нам велено трудиться! – рассмеялось Альтер эго. – Карма у нас такая. Иначе говоря, Господняя обязанность перед человечеством, понимаешь?

– А может, это всё фантазии, и нет ничего такого! А наши сакральные мысли – обыкновенное житейское баловство,

проверенный способ поддержать в груди «священный» огонь гордыни...

На этот раз Альтер эго не спешило с ответом и замерло в задумчивости. Игривая улыбка спорхнула с его лица и растаяла в зазеркалье.

– В отличие от тебя, – наконец заговорило умное отражение, – я верю в Бога и в устройство бытия по вертикальному принципу. Ничто не происходит просто так. Всё вытекает из предыдущего и является основой для последующего.

– Из твоих слов выходит, что Дарвин прав? И библейское сотворение человека – красивая сказка для малограмотных? – перебил Венедикт.

– Хорош иконописец!.. – улыбнулось эго. – Быть может, Дарвин и прав. Но его правота никак не объясняет появления разумного начала. Разумное начало в человеке не конструируется из биологических процедур. И об этом тебе хорошо известно.

– Это ещё почему? – Венедикту вдруг захотелось подцепить Альтер эго.

Он отложил гитару и пересел поближе к зеркалу на табурет.

– Основной закон философии учит нас не удивляться непредсказуемым событиям. Гусеница сворачивается кокон, из которого через некоторое время вылетает... бабочка! Это невероятно. Быть может, и с интеллектом происходит то же самое? Он рождается чудесным образом из накопившегося

количества некоего бессознательного вещества. И нам ничего другого не остаётся, как придумать бога, чтобы хоть как-то объяснить самим себе его волшебное преобразование в мыслящее начало?

– Хороший вопрос, – Альтер это не уловило в словах Венедикта скрытый розыгрыш и, оглядев отражённое в зеркале пространство, ответило:

– Выходит, мы с тобой смотрим в одну и ту же сторону, но с противоположных точек зрения.

– Это как? – Венедикт заметно повеселел.

– А так. Мы стоим рядом. Тебе ещё предстоит подъём на вершину, а я только что с неё спустился. Мы оба смотрим вверх, но с противоположных относительно вершины точек зрения. У тебя вершина ещё впереди, а у меня – за спиной, сзади! Это понятно?

Венедикт собрался было ответить, но в это время раздался звонок в дверь.

– Иду-иду! – Венедикт поднялся с табурета и вышел в прихожую. Его собеседник «вышел» вслед за Венедиктом, но в противоположную сторону.

Часть 3. Сбой

Немного истории. По окончании школы Венедикт поступил в престижный Инженерно-Физический институт. Беспечно жонглируя знаниями, полученными в математической спецшколе №2, он, в отличие от подавляющего большинства абитуриентов, экзамены сдал шутя. К примеру, на профильной физике ему был задан вопрос: «Назовите физические параметры среды, при которых происходит молекулярная конденсация влаги. Короче говоря, когда выпадает роса?» На что Венедикт, рискуя получить пару, улыбнулся и простодушно ответил: «Утречком!»

Экзаменатор замер, сдвинул брови домиком с проломленной крышей и внимательно посмотрел на юного наглеца.

Чутьё педагога различило в наивной улыбке бесстрашного абитуриента многие испытания будущих лет. Физик потупился в бумаги и, не поднимая головы, задал вопрос вне школьной программы. Венедикт ответил. Экзаменатор в свою очередь улыбнулся, поставил в ведомость «отлично» и отпустил его со словами: «Молодой человек, будете гулять по росе, не простудите голову!»

Учёба не принесла Венедикту внутреннего удовлетворения. Проявив полный пофигизм к систематическому обучению, он опаздывал на лекции, а часто и вовсе прогуливал

занятия. По вечерам вместо подготовки к очередному коллоквиуму бесцельно шатался по Москве или, купив за гроши билет на галёрку, высиживал какой-нибудь концерт, размышляя о чём-то своём, далёком от темы представления.

Беспечно распоряжаясь огромной личной свободой, внезапно свалившейся ему на плечи, и не зная, что за каждый сделанный в жизни шаг придётся отвечать перед собственной судьбой, Венедикт зажил полушутя. Про такого в народе говорят: «Паял-лудил и ум нудил о том и этом понемногу».

Нет, он не сорвался с катушек, не провозгласил приоритет личного права над окружающей действительностью. Быть может, подвела Веню самая обыкновенная романтика, прекрасная и щедрая на безответственные обещания земного блага. Ведь приблизилась пора его биологического цветения, пора первой романтической любви!..

К концу второго курса он запустил учёбу совершенно. И не столько учёбу, сколько самого себя.

Были к тому и веские причины. Счастье, которое юноша ощутил как реально приближающееся событие по непонятной причине вдруг вспыхнуло, неловко развернулось и прошло стороной. Несостоявшуюся любовь он пережил как тягостное удушливое страдание. Венедикту, неискущённому в житейских неблагоприятностях, подобное предательство со стороны собственной судьбы казалось надуманным и неприемлемым. «Зачем нужна такая жизнь, – он мучитель-

но повторял про себя, – если жизнь нового дня не продолжается, но разрушает нажитое накануне?

Тёплая морская волна, едва оплеснувшая тело, схлынула, и холодный порывистый ветер вонзил в мокрую кожу, не успевшую остыть от сладостных ожиданий, тысячи колких ледяных игл.

От всего случившегося, вернее, не случившегося Венедикта парализовало. Парализовало не физически, но интеллектуально – он перестал что-либо понимать. В его ощущениях себя по отношению к окружающему миру наступил тот самый «период размытых смыслов», об одном из которых наш герой беседовал с Альтер эго «пару страниц назад».

Этот первый период самонепонимания пронёсся как слепой вихрь по Венечкиной биографии и закончился довольно бессознательным решением бросить институт, пойти служить в армию и тем «начать» жить сначала. Торопливая молодость редко находит в себе силы задержать бег (или падение) и поразмыслить над собственной судьбой. Падение часто представляется ей взлётом, ведь молодость, как и любовь, доверчива к грёзам и слепа к житейским обстоятельствам.

Кто не испытывал подобных периодов? Смысл бытия внезапно теряет привычную убедительность. Верные предпосылки счастливой жизни рассыпаются, как недостроенный картонный домик, на который «чья-то заботливая рука» вылила сладкий сироп, обещанный «строителю» по заверше-

нии дела. В итоге ум выглядит как груда липких игральных карт, не подлежащих ни разбору, ни дальнейшему разумному употреблению.

Человек в годах, горестно вздохнув, с терпением приступает к реставрации своей житейской «карточной колоды». Он знает, что никто ему новые карты взамен испорченных не выдаст, а без них – как жить? У молодости на подобное кропотливое действие никогда не находится ни желания, ни времени. «Нарисую ещё!» – восклицает она и устремляется дальше, не зная, что рано или поздно «дорожное начальство» потребует плату за «проезд и провоз багажа». Нарисованную подделку оно не примет, но скажет так: «Прежние карточки выданы официально, потрудитесь предъявить!»...

Венедикт стал пропускать занятия в институте и всё более накапливать долги по семинарам и профильным темам. Он понимал, что вязнет в предсессионных нескладушках, но продолжал фолить. По утрам с неким внутренним злорадством Веня прощался с матерью и выходил из дома, но бодрая походка метров через триста расшатывалась и становилась похожа на питейную развалочку никуда не торопящегося заштатного сибарита. Он шёл в кино или садился на электричку и уезжал загород. Бесцельно побродив по очередной лесной просеке, возвращался и, петляя знакомыми переулками, оказывался дома. На вопрос матери «Как дела?» что-то небрежно врал.

Перекусив и прихватив из семейной библиотеки пару то-

мов какого-нибудь симпатичного на вид писателя, Венечка со словами «устал, пойду прогуляюсь» исчезал в сиреновом смоге городского вечера. «Пусть погуляет, – вторила мать, провожая глазами сына, – он у меня молодец – учится!»

Однако Веня шёл «погулять» с определённой целью. В ближайшем книжном магазине он сдавал вынесенный из дома очередной подписной двухтомничек. Полученных за книги денег хватало на бутылку какого-нибудь дешёвого сухого вина. Пристроившись в парке или во дворе на безлюдной лавочке, он выпивал вино и несколько часов, пока хмель курсировал по телесным кровотокам, бродил по Москве, перелистывая в мечтах страницы своей будущей биографии.

В такие минуты казалось, что неурядица, обступившая его в институте и вообще в жизни, лопнет сама собой, как крышка на старом колесе, и он раскроет перед благодарным человечеством всю полноту своего дарования. Веня был абсолютно уверен, что ему суждена необычная и высокая судьба.

Болото никогда добровольно не отпустит свою жертву. Веня это почувствовал, когда подошло время первой весенней сессии. Ещё была возможность собраться, уйти с головой в учёбу. Читать, зубрить, сдавать долги, как-то выкарабкиваться из сложившейся ситуации. Но...

Он не нашёл в себе силы покинуть колею праздного романтика и переступить на житейский большак. Возможно,

«коротнула» какая-то внутренняя мера. Посчитав достаточным время первого феерического благополучия, эта скаредная собеседница хмыкнула: «Ты научился бегать по ровной дорожке. Теперь для житейского разнообразия попрыгай в мешке по болотным кочкам! Осилишь гать – фортуна твоя, провалишься – сгинем вместе...»

В конце концов Венедикт решил: его единственным его поводом должен стать закон отрицания отрицания – чтобы жить дальше, следует любым доступным образом прекратить жизнь нынешнюю, потому что она отрицает своё собственное продолжение. И конечно, наш герой выбрал самый экстравагантный выход из сложившейся ситуации – уйти добровольцем в армию и на два года перестать о чём-либо думать. «Хватит ломать голову над не берущимся житейским интегралом. – сказал он самому себе. – Два года хочу знать, что ничего не знаю. А там посмотрим!»

Часть 4. Хороший вопрос

Увы, армия не только не избавила Венедикта от задиристых житейских проблем, но с первых же дней службы принялась нещадно хлестать пухлые гражданские пролежни неловкого новобранца. Со сборного пункта колонну призывников отвезли в автобусах на вокзал и распихали по вагонам поезда «Москва – Симферополь». И покотился поезд таким бодрячком в далёкие крымские степи.

В первую же ночь Веня проснулся от дикого нечеловеческого рыка. Рычал один из новобранцев. Бедняга корчился на полу вагона, как рыба, выпрыгнувшая на песок. Он метался между топчанами и выдавливал губами окровавленные сгустки пены. «Ё-моё, эпилептик... – промычал сквозь зубы громила сержант. – Чё пялитесь, а ну навалились!» Сержант и два ближайших бугая прижали несчастного к доскам пола, уворачиваясь от всё новых и новых порций пенистой кровянки, которую извергали уста несчастного. «Тихо вы, убьёте ж парня!» – крикнул кто-то из-за любопытных спин. В это время эпилептик сдавленно захрипел и вправду, обмякнув всем телом, закатил глаза. «Врача! За врачом во второй вагон, живо!» – заорал сержант, обращаясь к ефрейтору из сопровождения. Тот, расталкивая всех и нещадно работая локтями, стал пробираться в сторону тамбура.

«Весёленько...» – вздохнул Венедикт, подтягиваясь

на третью, самую верхнюю полку плацкарта, отведённую ему за выдающийся рост и громоздкое телосложение.

«Вене... дит Аристов, ну и имя, ёшкин корень, язык сломаешь. Учись, Венебздит, брать высоту, в бою пригодится!» – ощерился старшина-контрактник, распределяя бритоголовую зелень по ярусам плацкартных лежаков.

Так Венедикт оказался в знаменитой симферопольской школе сержантов.

Есть в жизни особые ситуации, о которых можно долго рассказывать, но ничего так и не рассказать. Если женщина станет объяснять любимому мужчине, что такое роды, она обязательно поймёт в конце рассказа, что ничего так и не смогла растолковать этому пушистому белому марсианину. Она почувствует порог взаимопонимания двух любящих сердец и тихо заплачет.

Так и человек, побывавший в лагерях Гулага, в тюрьме или «на худой конец» в армии, обречён остаться недопонятым теми, кто лично не испытал этого.

Автор готов пересказать поминутно два долгих года из послужного списка военнослужащего Венечки Аристова. Однако опыт собственной службы подсказывает автору: как бы правдиво или наоборот образно ни ложилась на лист стенограмма армейских будней нашего героя – она расскажет ничего толком. Уж, поверьте на слово – ровным счётом ничего.

Жизнь личности – это ежедневный поиск жемчуга на глубине. При этом всё лёгкое, наносное не выдерживает глубинных давлений, всплывает, смешивается с травчатым планктоном и пенистой волной выплёскивается на берег.

Ловцы жемчуга ныряют с камнем. Дополнительный вес позволяет им опуститься на глубину. В обмен на камень они собирают глубоководные раковины и возвращаются на поверхность моря с драгоценными жемчужинами в руках и сверкающими глазами.

Однако бывают случаи, когда человеку привязывают к поясу камень насильно. Тут уж не до жемчужин. Такому невольнику вырваться живым из глубины – большое везение. Гулаг в этом плане – глубина классическая. Тюряги, конечно, гораздо демократичнее Гулага, но со своими «коралловыми» особенностями. А уж армия по сравнению с ними – сущий курорт. Вот только курорт ли? Давление воды меньше, но соприкосновение со смертельной опасностью – то же. Ведь дышать невозможно на любой глубине.

Да, существуют профессиональные обстоятельства – охрана на вышках, вертухаи за спиной, холёные офицеры, обтянутые человеческой кожей. Кто они? – Люди. А кто тогда те, кого эти люди убили как нелюдей, – Вернадский Мандельштам, Гумилёв?..

Хороший вопрос! Его поставила жизнь перед Венечкой с первой же недели пребывания в симферопольской учебке младшего комсостава.

Найти ответ, вернее, объяснить себе право на насилие одних людей над другими Веня пытался всю оставшуюся жизнь. К примеру, социальное насилие – это нормальное явление в демократическом обществе? Если «да», то вертухай – человек необходимый, и мы должны ему быть благодарны за то, что он взял на себя труд исполнять социально грязную работу.

Если же слеза ребёнка, расстрел Гумилёва, лагерные мучения и смерть Мандельштама, отца Павла Флоренского, Вавилова и прочих гениев русского мира недопустимы ни при каких обстоятельствах, тогда приговорщики и исполнители приговоров – безусловно не люди. А кто?

Гений отвечал перед обществом простолюдинов по закону, писанному простолюдинами.

И ещё.

Человеческая реакция на предстоящую боль – это сплав душевного благородства и телесного страха перед опасностью какого-либо физического повреждения. В зависимости от их пропорции относительно друг друга мы имеем Гастелло, Матросова или Брута.

Известно, что среди личного состава каждой роты есть «штатные» стукачи. Офицеры намеренно поддерживают этот институт осведомителей, помогающий им контролировать дисциплину в подразделении по принципу «предупреждён – значит, вооружён».

Стукачи в течение службы пользуются негласными привилегиями, раньше других увольняются в запас, но, как правило, с покалеченной психикой. Их дальнейшая судьба не блещет разнообразием. Самые бессовестные из них оседают на малозначительных работах и продолжают шестерить, выгадывая копейки за счёт наветов и доносов на новых сослуживцев. Те же, в ком замарашка-совесть каким-то образом уцелела, спиваются и вскоре исчезают из мира людей.

Эти печальные факты из мира армейских отношений автор приводит лишь за тем, чтобы у читателя сложилось верное представление о моральных качествах личности нашего героя в «годину трудных испытаний».

Итак, краткий послужной список нашего героя:

– По окончании симферопольской школы сержантов Венедикту Аристову, единственному из пятисот выпускников учебки, не назначили звание «сержант», а присвоили (как плюнули на погоны) «почётное», вернее, оскорбительное звание «ефрейтор».

– В воинской части, где Венечка служил по распределению после окончания школы сержантов, командир полка лично сорвал с погон Венедикта две единственные лычки, вернув бывшему ефрейтору Аристову служебную чистоту и девственную «невинность». «За проявленную дисциплинарную и политическую (!) халатность в отношении священного воинского долга» – так было сказано в приказе по части.

«На свободу с чистой совестью!» – троекратно прокричал Венедикт, выходя с чемоданчиком за порог КПП. Что ж, милый читатель, не спеши осудить нашего героя за проявленную публичную непатриотичность, ведь автор умолчал о многих испытаниях, через которые пришлось пройти Вене с тайными слезами на глазах.

Нам всем пора бы понять: мы неодинаковы! Это значит, что одни и те же обстоятельства, как атмосферные столбы, давят на нас по-разному. Кому-то они как зонтик в непогоду, а кому – град с куриное яйцо.

Часть 5. Мама Галя

Венедикт поцеловал входящую мать, взял у неё из рук сумки и проводил в прихожую.

– Ма, а помнишь, как ты всякий раз, застав меня дома, задавала один и тот же вопрос: «Сын, ты опять пропустил институт?»»

Венедикт рассмеялся. Воспоминания прошедших лет заставили улыбнуться и мать.

– Кто же знал, что из тебя получится серьёзный человек? – мама присела на край дивана. – Можно я попозже приготовлю ужин? Поговори со мной, сынок.

Она расправила усталые плечи и приготовилась слушать.

– Мама, помнишь, на той неделе ты вот так же вошла в дом и увидела меня взъерошенного и ничего не понимающего?

– Помню, сын. Я тогда ещё подумала, что у тебя случились ужасные неприятности, ты был совершенно не в себе.

– Это так. Но я не сказал тогда, что твой приход прервал мою беседу знаешь с кем? С моим собственным Альтер эго.

– Не понимаю.

– Ну, это вроде внутреннего голоса, вернее, того, кем я хотел бы быть.

– И...

– Он сказал, что мы с ним смотрим в одном направлении, но с противоположных точек зрения.

– Как это?

– Очень просто. Мы оба смотрим вверх. Но он уже прошёл то, что мне предстоит пройти, и знает то, что мне предстоит узнать. И оттого мы обо всём судим по-разному.

– Сын, ты говоришь загадками.

– Мама, сколько раз я изменял прекрасному и возвышенному ради, как мне казалось, ещё более прекрасного и возвышенного! Что за лукавый путал мои мысли и заставлял начинать, как школьника, всякий раз сначала? Ты помнишь, как я тяжело болел от всего этого, едва не потерял веру в самого себя.

– Но ведь ты вернулся на круги своя, к тому, с чего вообще началась твоя жизнь, – с художества?

– Да, мама, да! Это было равносильно прозрению слепца. Древняя каноническая живопись извлекла меня из прежнего мироощущения, будто лодку отвязала от берега и отправила в море божественной красоты и абсолютного порядка вещей. Но как только я отплыл от берега, на море пал туман, и перестал видеть не только горизонт, но даже собственную руку...

– Сынок, тебе скоро исполнится тридцать лет. У тебя есть работа, тебя уважают, в этом я не раз убеждалась, наблюдая тебя в храме. Когда-нибудь ты порадуешь меня и женишься на хорошей девушке.

Мама опустила голову, чтобы Венедикт не заметил набухшие на глазах капельки слёз.

– Главное, знай, я всегда с тобой. Хоть немного от меня теперь помощи, но...

– Мама, да ты у меня!.. – Венедикт обнял мать так же крепко, как она обнимала его в детстве.

Он помнил её объятия – жаркие любящие клетки. Как хорошо было высчитывать минутки, наблюдая поверх маминых рук за секундной стрелкой на часах. Вот непоседа вскарабкалась вверх и подбежала к цифре «12». Мама, мамочка, держи меня ещё! Но вот захват слабеет, и клетка разваливается. «Мама, зачем ты меня так рано отпустила!» – щебечет маленький Венечка, раздумывая, заплакать ему или улыбнуться.

И теперь он, держа мать, краем глаза увидел те самые часы и ту самую секундную стрелку. Она подбиралась к цифре «12», как тридцать с лишним лет назад!..

«Пора», – усмехнулся Венедикт и расцепил руки, недержав мать в объятиях до полной минуты секунд десять. Женщина будто прочитала мысли сына и, улыбнувшись, сказала:

– Зачем же ты меня так рано отпустил?

Часть 6. Армейская школа жизни

Несмотря на всю схоластику армейского времяпровождения, служба не прошла даром для Венедикта. До деталей разработанное противостояние отдельно взятой личности и общей системы подавления (основы армейского распорядка) в течение двух долгих лет вразумляло Венедикта особым образом.

Подобно обратному току в электротехнике, особенностью армейского воспитания является – никогда не догадаетесь! – обучение человека эффективному поведению в экстремальных условиях цейтнота. Ежедневная практика выживания учит принимать наилучшее решение в самых провальных ситуациях. Этаким бытовой армейский блицкриг. Должностные и личные отношения с младшими и старшими командирами, со старослужащими, алчными до человеческого позора, с соратниками по призыву, пугливыми на окрик командира, учат солдатика отстаивать право на продолжение жизни, какой бы стороной ни повернулась к нему служба.

Несмотря на моральную сутолоку армейских дней, Венедикт задумал во что бы то ни стало вернуться к учёбе. Тихо с мамой вдвоём отпраздновав долгожданный дембель, наутро Веня оделся по форме и отправился в институт. «Хочу учиться!» – отрапортовал он декану своего профильного

факультета.

– А раньше о чём думали, молодой человек? – декан не был настроен на служебные побрякушки.

– Дураком был, ваше высокопревосходительство, – гаркнул Веня (фолит, опять фолит этот житейский выскочка!).

– Вот, значит, как, – замер декан (как тот физик на приёмном экзамене), – и чем же вы подтвердите серьёзность ваших намерений?

– Прошу мне верить, – ответил Венедикт, – других подтверждений не имею.

Декан уступил напору Венедикта и восстановил его в праве учиться в блистательном МИФИ. Со своей стороны наш юный герой, как нельзя лучше, оправдал сказанные им слова, став круглым отличником, единственным на курсе.

Странно, не правда ли? Однако странного тут ничего нет. Изрядно подкачав самоорганизацию распорядком армейской школы жизни, Венедикт отправился в океанические просторы ядерной физики, подобно новенькому корвету, дозаправленному не разворованной соляжкой.

Часть 7. Родзянко и «необъяснимое равновесие»

В подклете новенькой церкви, построенной в традициях древних подпружных кружал, глиняных гидрозамков и стен, сложенных на чисто известковом строительном растворе, стенописец Венедикт вечерял с товарищем.

Пахло «сырым» гидратом окиси кальция и меловой, ещё не просохшей отделкой стен. Собеседники расположились за маленьким импровизированным столиком, составленном из деревянного упаковочного ящика и куска толстой фанеры, вдоль и поперёк испещрённого крупными белыми разводами. Роль скатерти достойно выполнял разворот старой московской газеты. Из приборов на столе были две вилки, одна столовая ложка (на всякий случай), несколько бумажных тарелок, горсть салфеток и старый, полуразвалившийся консервный нож.

Товарища звали Юра, Юрий Владимирович Родзянко. Никакого отношения к знаменитому однофамильцу Юрий не имел, но магия исторического имени, как камертон, настраивала общение друзей на неспешный рассудительный лад. Каждому из них было немногим за тридцать. И если в двадцать лет подобный дружеский разговор пестрит курьёзами о настоящем и небылицами о будущем, то в тридцать – мысли о грядущем уступают желанию осознать реально прожитое прошлое.

– Вень, гляди, мы с тобой вскладчину более полувека отмотали от житейской катушечки!

Юрий разлил по единой (так говорят, когда не намереваются вести счёт количеству выпитого) и внимательно посмотрел на товарища.

– Да, Юра, не прост оказался этот «Кносский лабиринт». Я всё думаю, хватит длины клубка дойти до главных событий

или оборвётся нить где-нибудь на середине, что тогда?

– Тогда – всё, Венечка, приехали. А куда приехали – какая разница!

– Есть разница. По-твоему, помер человек – и нет его? Жил, не жил – одно безликое нечто, вернее, ничто. Однако вот какое дело. Со мной недавно странное событие произошло. Держу его в тайне, если расскажу, подумают, что свихнулся я, не иначе. Но тебе доложу. Как говорится: от меня не убудет и к тебе не прибавится, потому что не поверишь.

Венедикт и Юрий, несмотря на давнюю дружбу, были людьми совершенно разными. Веня, вдохновенный романтик, всякий раз с азартом проверял себя и собственную судьбу на прочность и выдержку. Юра, с юности пугливый и расчётливый педант, наперёд всякого действия долго размышлял о надобности оного.

Они подружились случайно. Как-то, возвращаясь из школы, Веня увидел толпу ребят из параллельного класса, обступивших какого-то парня. Не трудно было понять, что назревает самосуд. Веня бросился в толпу. Орудя локтями и портфелем, раздвинул плотное кольцо «воинов дворовой справедливости» и встал рядом с поникшим и испуганным парнишкой.

– Ты чё? – попёр на Веню рыжий парень, видимо, заводила этого «низкорослого ристалища».

Веня ничего не ответил. Стараясь двигаться размерен-

но и не торопясь, он сгрёб подзащитного в охапку, рывкнул на рыжего: «А ну, пусти!» – вышел из окружения и был таков.

Спасённого парня звали Юркой. Когда они оказались в безопасном месте, Юра, ещё подрагивая от страха, спросил Веню:

– Почему они отпустили нас?

– Не знаю. Испугались, наверное, – ответил Веня.

Венедикт действительно не знал, по какой причине ему сошла с рук эта демонстративная дерзость. Быть может, в нём в момент напряжения внутренних сил открылось то, что потом многократно закрепится в армейском двухгодичном тренинге, – умение принимать решение, исходя из интуитивных «знаний» о будущем.

Он не был уверен в том, что никто не дёрнется в ответ на его действия. Он даже не думал об этом. Предметом его заботы в те мгновения был сжавшийся в комок парень, а вовсе не собственная безопасность.

Когда же подобных случаев «необъяснимого равновесия» накопилось в избытке, Венедикт озадачил себя проблемой взаимопроникновения времён. И первое, что заинтересовало его пытливый ум, – возможность увидеть будущее.

«Без умолку безумная девица...» – гремел Высоцкий, утверждая право человека на знание предстоящих событий.

– Ты слышал что-нибудь о библейских пророках? – как-то спросила Венедикта мать.

– Нет, кто они? – простодушно переспросил Веня.

– У нас есть книжка... – Мама подошла к книжной полке и стала перебирать корешки книг.

Через минуту она взяла в руки старый рассыпающийся фолиант с красивой, потёртой обложкой и пожелтевшими, во многих местах порванными страницами.

– Это ещё дореволюционное издание. Приданое нашей бабы Зины. Полистай.

Текст о библейских пророках произвёл в доверчивой душе Венедикта сущую революцию. То, что описанные в книге истории произошли на самом деле, Веня сразу оставил за границами сомнений. Глотая страницу за страницей, он с упоением духовного чтеца всё глубже погружался в неведомый для себя мир религиозных отношений.

Через какое-то время Веня с удивлением заметил, что совершенно нормально воспринимает идею существования Бога. Его не удивляют описания невероятных с точки зрения здравого смысла чудесных явлений и крутая метафизика материальных событий. «Это же очевидно!» – восклицал он, радуясь заступничеству архангела Михаила за Ананию, Азария и Мисаила, трёх невинно осужденных отроков, брошенных жестоким царём Навуходоносором на сожжение в огненную печь.

Мама с удивлением поглядывала на сына и дивилась его податливости, говоря словами Александра Блока, к «неска-

зуюмому». С одной стороны, это радовало её, с другой – настораживало. Уж больно труден путь верующего человека в мирских потёмках. И хотя говорят: «С волками жить – по-волчьи выть», не должен истинно верующий человек, живущий бок о бок со зверем, выть по-звериному! Конечно, судьба христианских мучеников от древних времён и до недавних наших дней свята и возвышенна. Но какая мать пожелает телесного унижения своему возлюбленному чаду. Разве что София...

Часть 8. Видение

Венедикт в очередной раз разлил по единой.

– Это случилось пару лет назад. Я заканчивал роспись придела преподобного Симеона в храме на Поварской. Был тихий предрождественский вечер. Настоятель только что завершил исповедь и отъехал в Патриархию. Несмотря на приближение праздника, вокруг было немногочисленно. Из служащих, пожалуй, только матушка Наталья да алтарник Геннадий Васильевич. Кстати, вскоре после случившегося оба они почили. А я вот жив и несу эту странную тайну за всех нас троих. Может, оттого и тяжко у меня на душе, Юра, ох, тяжело.

– Да что случилось-то, говори, – перебил его товарищ, вновь разливая по единой «припрятанный» на дне бутылки остаток.

– А случилось вот что. Сначала все мы услышали какой-то гул. Затем я почувствовал небольшую вибрацию воздуха. Эта вибрация рождала странное беспокойство, хотелось всё бросить и бежать сломя голову куда-нибудь, всё равно куда, главное, прочь и подальше. Повинуясь неясному влечению, я оглянулся. И тотчас передо мной, будто вырос из-под земли, возник киот с иконой преподобного Симеона Столпника. Этот киот, я отчётливо помнил, стоит слева от малого иконостаса в пределе преподобного Симеона. Я же находился

в этот момент в главном четверике...

Это пространственное несоответствие я обнаружил в своих воспоминаниях много позже. Но тогда, припав с горячей молитвой к образу, я ни о чём не мог думать и только повторял: «Отче! Огради нас Христа ради от супротивной силы!» «Обернись», – будто ответил мне образ Симеона. Я обернулся. Храм был совершенно пуст. Только мать Наталья и Геня стояли у свечного ящика, неловко поддерживали сползающие на пол книги и растерянно оглядывались по сторонам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.